

Хаджи-Мурат -7/ продолжение

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Хаджи-Мурат -7/ продолжение VII.

Раненого Авдеева снесли в госпиталь, помещавшийся в небольшом крытом тесом доме на выезде из крепости, и положили в общую палату на одну из пустых коек. В палате было четверо больных: один – метавшийся в жару тифозный, другой – бледный, с синевой под глазами, лихорадочный, дожидавшийся пароксизма и непрестанно зевавший, и еще два раненных в набеге три недели тому назад – один в кисть руки (этот был на ногах), другой в плечо (этот сидел на койке). Все, кроме тифозного, окружили принесенного и расспрашивали принесших.

– Другой раз палят, как горохом осыпают, и – ничего, а тут всего раз пяток выстрелили, – рассказывал один из принесших.

– Кому что назначено!

– Ох, – громко крикнул, сдерживая боль, Авдеев, когда его стали класть на койку. Когда же его положили, он нахмурился и не стонал больше, но только не переставая шевелил ступнями. Он держал рану руками и неподвижно смотрел перед собой.

Пришел доктор и велел перевернуть раненого, чтобы посмотреть, не вышла ли пуля сзади.

– Это что ж? – спросил доктор, указывая на перекрещивающиеся белые рубцы на спине и заду.

– Это старок, ваше высокоблагородие, – кряхтя, проговорил Авдеев.

Это были следы его наказания за пропитые деньги.

Авдеева опять перевернули, и доктор долго ковырял зондом в животе и нащупал пулю, но не мог достать ее. Перевязав рану и заклеив ее липким пластырем, доктор ушел. Во все время ковыряния раны и перевязывания ее Авдеев лежал с стиснутыми зубами и закрытыми глазами. Когда же доктор ушел, он открыл глаза и удивленно оглянулся вокруг себя. Глаза его были направлены на больных и фельдшера, но он как будто не видел их, а видел что-то другое, очень удивлявшее его.

Пришли товарищи Авдеева – Панов и Серегин. Авдеев все так же лежал, удивленно глядя перед собою. Он долго не мог узнать товарищей, несмотря на то, что глаза его смотрели прямо на них.

– Ты, Петра, чего домой приказать не хочешь ли? – сказал Панов.

Авдеев не отвечал, хотя и смотрел в лицо Панову.

– Я говорю, домой приказать не хочешь ли чего? – опять спросил Панов, трогая его за холодную ширококостую руку.

Авдеев как будто очнулся.

– А, Антоныч пришел!

– Да вот пришел. Не прикажешь ли чего домой? Серегин напишет.

– Серегин, – сказал Авдеев, с трудом переводя глаза на Серегина, – напишешь?.. Так вот отпиши: «Сын, мол, ваш Петруха долго жить приказал».

Завиствовал брату. Я тебе нонче сказывал. А теперь, значит, сам рад. Не замай живет. Дай бог ему, я рад. Так и пропиши.

Сказав это, он долго молчал, уставившись глазами на Панова.

– Ну, а трубку нашел? – вдруг спросил он.

Панов покачал головой и не отвечал.

– Трубку, трубку, говорю, нашел? – повторил Авдеев.

– В сумке была.

– То-то. Ну, а теперь свечку мне дайте, я сейчас помирать буду, – сказал Авдеев.

В это время пришел Полторацкий провести своего солдата.

– Что, брат, плохо? – сказал он.

Авдеев закрыл глаза и отрицательно покачал головой. Скуластое лицо его было бледно и строго. Он ничего не ответил и только опять повторил, обращаясь к Панову:

– Свечку дай. Помирать буду.

Ему дали свечу в руку, но пальцы не сгибались, и ее вложили между пальцев и придерживали. Полторацкий ушел, и пять минут после его ухода фельдшер приложил ухо к сердцу Авдеева и сказал, что он кончился.

Смерть Авдеева в реляции, которая была послана в Тифлис, описывалась следующим образом: «23 ноября две роты Куринского полка выступили из крепости для рубки леса. В середине дня

значительное скопище горцев внезапно атаковало рубщиков. Цепь начала отступать, и в это время вторая рота ударила в штыки и опрокинула горцев. В деле легко ранены два рядовых и убит один.

Горцы же потеряли около ста человек убитыми и ранеными».

Powestler